

RU

Англо-русский параллельный корпус как инструмент
контекстуального анализа лексической единицы «доброта»

Войченко Н. В.

Аннотация. Цель исследования – выявить контекстуальные значения лексической единицы «доброта» и ее переводных эквивалентов, полученных методом сплошной выборки из текстов русско-английского параллельного корпуса Национального корпуса русского языка. В статье показано, что обращение к множеству аутентичных примеров на основе корпусов позволяет уточнить значение лексической единицы в контексте оригинала и перевода, выявить нетривиальные семантические и дискурсивные особенности слова и выделить нестандартные переводные эквиваленты. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые рассмотрены и описаны значения, не зафиксированные в двуязычных и толковых словарях, но при этом реально существующие в конкретных семантических и прагматических условиях. В результате исследования подтверждено, что обращение к множеству эквивалентов, представленных в переводных текстах параллельного корпуса, позволяет выявить варианты употребления лексической единицы «доброта», не упоминаемые в ее традиционных описаниях.

EN

English-Russian parallel corpus
as a tool for contextual analysis of the lexical unit “kindness”

N. V. Voichenko

Abstract. The research aims to identify contextual meanings of the lexical unit “kindness” and its translation equivalents, obtained through a continuous sample from texts in the Russian-English parallel corpus of the Russian National Corpus. The paper shows that referring to multiple authentic examples based on corpora makes it possible to clarify the meaning of the lexical unit in the context of the original and its translation, identify non-trivial semantic and discursive features of the word, and highlight non-standard translation equivalents. The research is novel in that it is the first to examine and describe meanings that are not recorded in bilingual and explanatory dictionaries but do exist in specific semantic and pragmatic conditions. The research findings confirm that referring to multiple equivalents presented in translated texts of the parallel corpus helps to identify variations in the use of the lexical unit “kindness” that are not mentioned in its traditional descriptions.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что использование корпусов открывает дополнительные возможности для семантического анализа. Материал параллельного корпуса предоставляет в распоряжение исследователя реально использованные профессиональными переводчиками переводные эквиваленты, что позволяет провести эффективный двусторонний контекстуальный анализ текста оригинала и перевода, выявить потенциальные переводные соответствия и уточнить семантику рассматриваемой единицы.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- выявить релевантные контекстуальные значения русской лексической единицы «доброта»;
- описать ее стандартные и нестандартные английские эквиваленты;
- уточнить семантику лексемы «доброта» путем сопоставления контекстуальных значений оригинала и способов их перевода на английский язык.

Материалом для исследования послужили 186 примеров употребления лексической единицы «доброта» и их перевод на английский язык, извлеченные из параллельного корпуса НКРЯ (Национальный корпус русского языка. <https://ruscorpora.ru/>).

Теоретическую базу исследования составляют работы об использовании корпусов текстов в двуязычной лексикографии и сопоставительной лексикологии (Добровольский, 2012; 2015), об эффективности монофокусного

метода семантического анализа (Добровольский, Зализняк, 2021; 2022; 2023), а также базовые положения о роли контекста в процессе перевода (Бархударов, 2023; Десницкий, 2015).

К исследованию также привлекаются сведения из следующих лексикографических и корпусных источников:

- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1978. Т. 1;
- Словарь русского языка: в 4 т. (Малый академический словарь) / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985. Т. 1;
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Изд-е 2-е. М.: Прогресс, 1986. Т. 1;
- Corpus of Contemporary American English (COCA). <https://www.english-corpora.org/coca/>;
- Oxford English Dictionary. <https://www.oed.com/>.

В статье применяются следующие методы исследования: монофокусный метод корпусного исследования (Добровольский, Зализняк, 2021) – для семантического описания лексической единицы «доброта», методы компонентного и контекстуального анализа, а также сопоставительный метод – при определении и описании типологических и контрастивных особенностей указанной единицы.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использовать его материалы в практических курсах русского и английского языков, при разработке и чтении курсов по теории и практике перевода, межкультурной коммуникации, лексикологии, контрастивной лингвистике. Кроме того, представленный в статье материал словарного и контекстуального описания лексической единицы «доброта» может быть использован в качестве примера для современных лексикографических двуязычных проектов.

Обсуждение и результаты

Лексическая единица «доброта» представляет собой тот случай, когда описательное определение значения оказывается трудным для выражения, поэтому ее толкование дается при помощи группы синонимов, призванных раскрыть в своей совокупности семантику слова. Согласно Словарю русского языка А. П. Евгеньевой (1985), *доброта* есть «отзывчивость, душевное расположение и сочувствие к людям, стремление делать добро другим, готовность помочь», а также «выражение расположения, сочувствия, отзывчивости».

Несмотря на то, что слово «доброта» в современном русском языке является однозначным и контекст не выполняет свою традиционную задачу по снятию полисемии (Бархударов, 2023, с. 170), изучение данной лексической единицы в оригинальном контексте позволяет значительно углубить представления о ее смысле (Десницкий, 2015, с. 78). В свою очередь, контекстуальный анализ перевода способствует расширению стандартного набора слов и конструкций английского языка, способных этот смысл выразить.

В настоящей статье мы сконцентрируемся на контекстуальных значениях лексической единицы «доброта» и ее переводных эквивалентах, будем использовать данные параллельного английского корпуса НКРЯ как инструмент собственно семантического анализа.

1. Контекстуальное уточнение синонимических значений

В лексикографических источниках *доброта* как отзывчивость трактуется через «готовность помочь» и «чуткое восприятие, живая реакция» (например, Малый академический словарь). Рассмотрим широкий контекст данного словоупотребления на примере из параллельного корпуса (здесь и далее примеры взяты из НКРЯ):

(1) *Пришел – такой же размашисто-красивый, дерзкий и такой же неожиданно добрый. Добротой своей он поража́л, как и красотой. Мог снять с себя последнюю рубашку и отдать – если кому нужна* (Шукшин В. Сураз. 1970). / *He returned home just as wildly handsome as before, just as unruly and unexpectedly generous. He would astonish as much by his generosity as his good looks. He would give away his last shirt to anyone who might need it* (Shukshin V. The Bastard / transl. by R. Daghlish. 1980).

Готовность помочь и чуткость восприятия реализованы в тексте оригинала конструкцией «если кому нужна», при этом введение фразеологизма «отдать последнюю рубашку» (*give away his last shirt*) сужает переводное значение отзывчивости до щедрости (*generosity*). Сопоставление оригинального текста с его переводом лежит в основе «монофокусного» подхода (в работе А. А. Зализняк (2015) он был назван «унидирекциональным»), при котором перевод на другой язык рассматривается как толкование для анализируемой единицы оригинала (Добровольский, Зализняк, 2022, с. 801).

Библеизм о «последней рубашке» выводит семантику на уровень образного переосмысления. Анализ и переводу сорокового стиха пятой главы Евангелия от Матфея (Матф. 5:40) посвящено немало научных и святоотеческих исследований (Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета: в 7 т. / под ред. проф. А. П. Лопухина. Изд-е 4-е. М.: Дарь, 2009), однако данный контекст говорит об отказе от собственных благ ради другого человека, о чем читаем далее: *Мог в свой выходной поехать в лес, до вечера пластаться там, а к ночи привезти машину дров каким-нибудь одиноком старикам* (Шукшин В. Сураз. 1970). / *Sometimes on a day-off he would drive out to the forest, work like mad, and come back in the evening with a load of fire-wood for someone old and lonely... it* (Shukshin V. The Bastard / transl. by R. Daghlish. 1980).

В следующем примере щедрость становится лишь одним из проявлений «душевного расположения к людям», которое не вполне осознается, но отчетливо переживается:

(2) *Но зато негр чувствовал всем своим маленьким сердцем расположение этих белых людей, говоривших со всем не на том языке, на котором говорили белые люди на «Бетси», и особенно доброте этого матроса с красным носом, напоминавшим ему стручковый перец, и с волосами, похожими цветом на паклю, который подарил*

ему такое чудное платье, так хорошо угостил его вкусными яствами и так ласково смотрит на него, как никто не глядел на него во всю жизнь, кроме пары чых-то больших черных навывкате глаз на женском чернокожем лице (Станюкович К. М. Максимка. 1896). / *Yet the Negro felt with all his little heart that these white men, who spoke quite a different language from the white men of the Betsy, were kindly disposed towards him, especially this sailor with the tow-coloured hair and red nose – which reminded him of cayenne pepper – who had given him that wonderful suit, treated him to all sorts of good things to eat and looked at him in a gentle, affectionate way that he had not known since babyhood when the eyes of some dimly remembered black-skinned woman had looked at him like that* (Stanyukovich K. Maximka / transl. by B. Isaacs. 1969).

В узком контексте благожелательное отношение, симпатия реализуются единицами с сильной положительной коннотацией, такими как «подарил» (*had given*), «чудное» (*wonderful*), «хорошо угостил» (*treat*), «так ласково» (*in a gentle, affectionate way*). Широкий контекст начинается с введения оценочной конструкции «что ему говорят что-нибудь хорошее», и именно в процессе перевода «хорошее» сужается до «доброе» и эмпатизируется синтаксически (*they were kind words that he was saying*). Анализ смежных предложений обнаруживает три случая употребления слов «доброта» / «добрый» в контексте оригинала и четыре переводных эквивалента 'kind'. Эпизод завершается детскими воспоминаниями о добрых и ласковых глазах, которые переводятся как 'kind, loving eyes', активируя тему любви. Стилистически и семантически важную роль играет антитеза, противопоставляя доброе отношение недоброму, метафорически реализуясь в идее языка как средства общения. «Со всем не тот язык» (*quite a different language*) в данном контексте является общепонятным языком доброты и любви к человеку, скрытой аллюзией на отсутствие языковых преград (ср. с мифологией о происхождении языков и евангельским чудом Пятидесятницы).

Художественное противопоставление, так часто формирующее контексты о доброте, в анализируемом примере расширяется категориями «реальное – нереальное» («наяву» – «грезы») и «настоящее – прошлое» («теперь» – «детство»). Смутные воспоминания о «добрых и нежных глазах» матери (в переводе снова 'kind, loving eyes'), которые «случалось, жалели его во сне» (*they appeared to him in his dreams and comforted him*), вводят толкование доброты как сострадания. При этом если хорошее, благоприятное отношение, поддержка и одобрение чаще всего связаны с упоминанием улыбки (*улыбался во весь свой широкий рот – he gave a broad grin*), то доброта как «жалость и сочувствие» реализуется в контексте чужого горя и связана со слезами, страданиями и плачем, например:

(3) *Его доброе немецкое лицо, участие, с которым он старался угадать причину моих слез, заставляли их течь еще обильнее: мне было совестно, и я не понимал, как за минуту перед тем я мог не любить Карла Ивановича и находить противными его халат, шапочку и кисточку; теперь, напротив, все это казалось мне чрезвычайно милым, и даже кисточка казалась явным доказательством его доброты* (Толстой Л. Н. Детство. 1852). / *His good German face and the sympathy with which he sought to know the cause of my tears made them flow the faster. I felt conscience-stricken, and could not understand how, only a minute ago, I had been hating Karl, and thinking his dressing-gown and cap and tassel disgusting. On the contrary, they looked eminently lovable now. Even the tassel seemed another token of his goodness* (Tolstoy L. Childhood / transl. by C. J. Hogarth. 1910-1935).

Анализ смежных предложений также обнаруживает единицы с сильной отрицательной коннотацией: «хотелось плакать» (*wanted to cry*), «нервы были расстроены» (*nerves were all on edge*), «дурной сон» (*a horrible dream*), «умерла» (*dead*), «несут хоронить» (*being buried*), «мрачные мысли» (*mournful thought*). Помимо антитезы «жизнь – смерть» и «любовь – нелюбовь» (или «ненависть» в тексте перевода), в данном примере актуализируется категория времени, прошлое противопоставляется настоящему («за минуту перед тем» – «теперь»). Таким образом, контекстуальный анализ подтверждает этимологическую связь русской морфемы «добр-» с общеславянским корнем **doba* «пора, время» (Фасмер, 1986).

Кроме того, анализируемый контекст реализует отенок значения, связанный не столько с самим добрым свойством, сколько с его выражением. Кисточка как «доказательство... доброты» (*another token of his goodness*), с одной стороны, может интерпретироваться как элемент детской наивной картины мира, а с другой – представляет собой метонимический перенос значения с внешнего атрибута на само доброе отношение («тронуемый моим рассказом»), выражаемое добрыми поступками («стал утешать и успокаивать меня»).

В большинстве контекстов стандартным выражением доброты становятся голос (Пример 4), улыбка, лицо, взгляд, глаза (Пример 5):

(4) *Голос его был строг и не имел уже того выражения доброты, которое тронуло меня до слез* (Толстой Л. Н. Детство. 1852). / *The tone of that voice sounded stern now, and had nothing in it of the kindness which had just touched me so much goodness* (Tolstoy L. Childhood / transl. by C. J. Hogarth. 1910-1935);

(5) *Она сама была серьезный ребенок; черты ее напоминали резкий и правильный облик Калитина; только глаза у ней были не отцовские; они светились тихим вниманием и добротой, что редко в детях* (Тургенев И. С. Дворянское гнездо. 1859). / *She herself was a serious child; her features recalled the clear-cut, regular face of Kalitin; only, she had not her father's eyes; hers beamed with a tranquil attention and kindness which are rare in children* (Turgenev I. A Nobleman's Nest / transl. by C. Garnett. 1894).

Несмотря на то, что выражение «светиться добротой» является клишированным и встречается во многих контекстах, его внутренний потенциал каждый раз раскрывается метафорически и отсылает исследователя к образу Иисуса как Света миру (Ин. 8:12). В Примере 5 скрытая библейская аллюзия подкреплена единицами «правильный облик» (*regular face*), «тихое внимание» (*a tranquil attention*), «отец – ребенок» (*father – child*).

Каждый контекст, описывающий доброту, прибегает к приемам образного переосмысления значения, стараясь преодолеть предел языкового описания. В Примерах 1 и 5 используются библейские символы, глубина

которых трудно постижима и определима средствами человеческого языка и понятий. В широком контексте Примера 2 эмоционально-чувственное восприятие доброго отношения превалирует над рациональным: *Хотя негр решительно не понимал, что говорил ему Лучкин... тем не менее улыбался во весь свой широкий рот, чувствуя, вероятно, что ему говорят что-нибудь хорошее* (Станюкович К. М. Максимка. 1896). / *The boy had no idea what he was speaking about, but he probably sensed that they were kind words that he was saying, for he gave a broad grin* (Stanyukovich K. Maximka / transl. by V. Isaacs. 1969). Свои далекие смутные воспоминания, грезы или впечатления детства «он, конечно, не мог бы объяснить» (*he did not know, of course*), тем не менее они существуют, переплетаются и живут в его памяти.

В Примерах 3 и 4 речевая ситуация описывает сильные переживания: слезы и плач являются не только выражением горя, обиды или умиления, но в славянской традиции становятся формой обрядового поведения, а в христианской – слезами покаяния (Мф. 5:4):

(6) *Слезы раскаяния, горячие, хорошие слезы, брызнули у меня из очей на подоконник, когда я подумал, что я, отворотившийся от доброты Хозяина, я, слепо отрицавший красоту им созданного строя, быта, дивных новых заборов под орех, собираюсь наложить на себя руки, – смею, таким образом, покушаться на жизнь одного из его подданных!* (Набоков В. Истребление тиранов. 1938). / *Tears of repentance, hot, good tears, gushed from my eyes onto the windowsill when I thought how I had been repudiating the kindness of the Master, how blindly I had reneged the beauty of what He had created, the social order, the way of life, the splendid walnut finished new fences, and how I plotted to lay hands on myself, daring, thus, to endanger the life of one of his subjects!* (Nabokov V. Tyrants destroyed / transl. by D. Nabokov, V. Nabokov. 1976).

Контекст Примера 6 реализует христианские образы наиболее ярко: помимо фигуры Хозяина, описания красоты «им созданного строя» и «хороших слез раскаяния», в широком контексте появляются единицы «умиление» (*tenderness*), «грех» и «наш великий и милостивый Господин» (*my sin against our great and merciful Master*). Как писал святитель Николай Сербский, «евангельские слезы – это те, что текут из сокрушенного и покаянного сердца. <...> Евангельские слезы – это те слезы, что смывают вред, который нанесли мы небесной Любви» (Сербский Н. Толкование заповедей блаженства. Клин: Христианская жизнь, 2007).

Тема любви реализуется во многих контекстах о доброте: она эксплицитно выражена глаголом «любить» в Примере 3 (*как за минуту перед тем я мог не любить*) и в смежных предложениях Примера 5 (*«скоро привыкла к ней и крепко полюбила», «не любила израть»*); имплицитно – во фразеологизме о последней рубашке из Примера 1; методом переводческой трансформации в Примере 2 (*those kind, loving eyes*). Согласно проведенному контекстуальному анализу, за добротой как стремлением делать добро другим стоит именно любовь, о чем не упоминают толковые словари, но свидетельствуют релевантные примеры из корпуса.

2. Нетривиальные семантические и дискурсивные особенности

Контексты о доброте формируют семантику добродетели, нравственности и морали. В переводе нравучительного Примера 7 используются эквиваленты 'goodness' и 'that sort of virtue':

(7) *Я, конечно, вам не судья, – обратился Маркелов к Фомушке, – убогих да увечных призывать – дело хорошее. Но позвольте вам заметить: жить в довольстве, как сыр в масле кататься, да не заедать чужого века, да палец о палец не ударить для блага ближнего... это еще не значит быть добрым; я, по крайней мере, такой доброте, правду говоря, никакой цены не придаю!* (Тургенев И. С. Новь. 1877). / *To protect the homeless and deformed is a very praiseworthy work, but I must say that to live in ease and luxury, even though without injury to others, not lifting a finger to help a fellow – creature, does not require a great deal of goodness. I, for one, do not attach much importance to that sort of virtue!* (Turgenev I. Virgin Soil / transl. by R. S. Townsend, 1929).

Ценность для доброго человека представляют «блага» (Пример 7) и «интересы ближнего», как в широком контексте следующего примера (*Я попросила вас за Фриду... (Булгаков М. Мастер и Маргарита. 1929-1940). / I asked you for Frieda... (Bulgakov M. Master and Margarita / transl. by R. Pevear, L. Volokhonsky. 1979)*), однако этические оценки носят относительный характер. В контексте Примера 8 о высокой морали саркастически рассуждает сатана, да и самой героиней мотивация описываемого поступка трактуется как легкомыслие (*...только потому, что имела неосторожность подать ей твердую надежду (Булгаков М. Мастер и Маргарита. 1929-1940). / ...only because I was careless enough to give her firm hope (Bulgakov M. Master and Margarita / transl. by R. Pevear, L. Volokhonsky. 1979)*):

(8) – *Вы, судя по всему, человек исключительной доброты? Высокоморальный человек?* (Булгаков М. Мастер и Маргарита. 1929-1940). / *'YOU are, by all tokens, a person of exceptional kindness? A highly moral person?'* (Bulgakov M. Master and Margarita / transl. by R. Pevear, L. Volokhonsky. 1979).

В художественном контексте, как и в языковом сознании, добродетель разделяется на философскую и житейскую. В первом случае доброта оценочна, измерима и в большинстве случаев связана с вопросами меры. В контексте Примера 8 данную категорию формируют атрибутивы «исключительный» (*exceptional*), «высоко-» (*highly*), «легко-» (*light*), «твердый» (*firm*), а в следующем примере безмерная доброта даже становится безнравственной:

(9) *Мне скажут, «бесконечная» доброта часто бывает сопряжена с отсутствием нравственного чувства... (Тургенев И. С. Новь. 1877). / I am told that excessive kindness is often a sign of moral weakness (Turgenev I. Virgin Soil / transl. by R. S. Townsend. 1929).*

Широкий контекст интерпретирует бесконечность доброты как «глупость» и «святость», объединяя данные денотаты и коннотаты приемом перечисления: *...а добры до глупости, до святости, бесконечно! (...and kind to stupidity, to saintliness, there is no end to their kindness!).* Лексикографические данные подтверждают Божественную природу бесконечности и меру как удел человека: «В высшем значении *Добр один Господь, благ, милосерд без меры; доброта эта приемлется каждым, по мере стремления его к добру*» (Даль, 1978).

Обратим внимание на высокую частотность употребления *доброты* в сочетании с *умом* (Примеры 10-12):

(10) *Сейчас здесь готовили к полевым испытаниям портативный универсальный злободоброитель и разрабатывали новые марки редчайших сплавов ума и доброты* (Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Понедельник начинается в субботу. 1965). / *Currently they were preparing for the field trials of a portable disrupter of evil, and were designing new versions of the rarest alloys of intelligence and goodwill* (Strugatsky A., Strugatsky B. Monday Begins on Saturday / transl. by L. Renen. 1977).

Такой «сплав», с одной стороны, является антитезой разума и чувств (поскольку энергия доброты представляется как энергия сердечная, о чем будет сказано далее), а с другой стороны, снова активизирует категорию меры в значении рациональности, разумности. В словаре В. И. Даля находим, что «*добрый человек*» – хвала двусмысленная, так как «не видно, есть ли воля и ум» (Даль, 1978), а в паремическом фонде – поговорку «Доброта без разума пуста».

В следующем примере из корпуса появляется единица «*славность*» как особое наименование «*умной доброты*», при этом отметим сложность переводческой задачи:

(11) *И еще в нем была какая-то умная доброта, какая-то славность* (Трифонов Ю. Нетерпение. 1973). / *And there was something else: an understanding kindness, a fineness of soul* (Trifonov Y. The Impatient Ones / transl. by R. Daglish. 1978).

Лексема «славность» раскрывается как свойство по прилагательному «славный» в значении «располагающий к себе своими достоинствами, качествами, очень хороший» (Малый академический словарь, 1985-1988). Контекстуально «славность» снова отсылает исследователя к идее сплава ума и доброты из Примера 10, а монофокусный анализ добавляет компоненты «душа» и «добродетель», поскольку единица ‘*fineness*’ трактуется как ‘*the quality or state of being fine – consummate in virtue or excellence, skillful*’ (Oxford English Dictionary).

Широкий контекст формирует идею доброты как силы: чего-то «*прочного, негнузегося*» (*unbending firmness*), того, «*что отличало их всех*» (*that distinguished them all*). Простота этой физической и духовной силы далее в тексте объясняется тем, что «*все они дети землемеров*» (*all children of surveyors*), при этом устаревшая единица «землемер» означает «специалиста по межеванию и землеустройству» (Малый академический словарь, 1985-1988), которого аллегорически можно толковать как Творца.

В отличие от философского (этического) контекста, житейский реализует образ неосознанного и непосредственного внутреннего расположения человека к добру, из которого и происходят добрые дела:

(12) *Это частная доброта отдельного человека к отдельному человеку, доброта без свидетелей, малая, без мысли* (Гроссман В. Жизнь и судьба. 1960. Ч. 2). / *The private kindness of one individual towards another; a petty, thoughtless kindness; an unwitnessed kindness* (Grossman V. Life and fate / transl. by Robert Chandler. 1985. Part 2).

Доброта «бессмысленная» (*senseless*), «вне религиозного и общественного добра» (*outside any system of moral or religious good*), «частная» (*private*), «случайная» (*incidental*), «вечная» (*eternal*) рождается по ту сторону этики и не связана ни с умом, ни с волей: *Она распространяется на все живущее, даже на мышь, на ту ветку, которую, вдруг остановившись, поправляет прохожий, чтобы ей удобно и легче было вновь прирасти к стволу* (Гроссман В. Жизнь и судьба. 1960. Ч. 2). / *It is extended to everything living, even to a mouse, even to a bent branch that a man straightens as he walks by* (Grossman V. Life and fate / transl. by Robert Chandler. 1985. Part 2).

Анализ широкого контекста показывает, что в первую очередь эта доброта проявляется в поступках «отдельного человека к отдельному человеку»: «*это доброта старухи, вынесшей кусок хлеба пленному*» (*the kindness of an old woman carrying a piece of bread to a prisoner*), «*доброта солдата, напоившего из фляги раненого врага*» (*the kindness of a soldier allowing a wounded enemy to drink from his water-flask*), «*доброта крестьянина, прячущего на сеновале старика еврея*» (*the kindness of a peasant hiding an old Jew in his loft*), «*это доброта тех стражников, которые передают с опасностью для собственной свободы письма пленных и заключенных*» (*the kindness of a prison guard who risks his own liberty to pass on letters written by a prisoner*). Синтаксический параллелизм формирует особое ценностное определение «своих» и «чужих». Речевая ситуация трактует пленного, раненого, беглого, заключенного не как врага, а как человека, который заслуживает хлеба, воды, безопасности, семьи.

В описании доброты стражников житейская доброта снова противопоставляется идейной, ведь письма передаются «*не товарищам по убеждениям, а матерям и женам*» (*not to his ideological comrades, but to his wife and mother*); реализуется идея об отказе от собственных благ ради другого человека (ср. Пример 1). Обратим внимание и на грамматическое преобразование данной части: множественное число в тексте оригинала (флексии выделены жирным шрифтом) заменено на форму единственного числа при переводе, что подчеркивает единичность, индивидуальность и ценность каждого случая этой малой человеческой доброты.

Единственным обобщением в данном авторском перечислении становится «*доброта молодости, пожалевшей старость*» (*the kindness of youth towards age*), которая снова обращает внимание исследователя на категорию времени. В данном контексте доброта не исчезает даже «*в пору, когда люди уже не кажутся людьми*» (обратим внимание, что это описание в переводе опущено). Доброта как то, что делает человека человеком (в нескольких контекстах из корпуса встречаем описание «*становиться/оставаться людьми*» – ‘*become/being people*’), близка синониму «человечность», не отмеченному в толковых словарях:

(13) *Никогда не встречала она такого необычного соединения силы, грубой простоты с человечностью, робостью. Ее так влекло к нему, ему так чужд был жестокий фанатизм, в нем была какая-то особая, разумная и простая мужичья доброта* (Гроссман В. Жизнь и судьба. 1960. Ч. 3). / *Never before had she met such an unusual combination of shy kindness and rough strength. She was so drawn to him – he was so free of harshness and fanaticism, there was such a special, wise, peasant kindness in him* (Grossman V. Life and fate / transl. by Robert Chandler. 1985. Part 3).

«Человечность» в широком контексте оригинала переведена английским эквивалентом 'kindness', и в этом случае семантику изучаемой единицы расширяет монофокусный анализ в направлении от английского к русскому, над которым в настоящее время продолжается исследовательская работа.

Кроме того, речевые ситуации Примеров 13 и 14 снова формируют идею «силы», чего-то «большого» (*great*), «особенного» (*special*) и «простого» (*peasant*):

(14) Когда вот знаешь, что миллионы хотят того же, что и мы, сердце становится добрее. А в **доброте** – большая сила! (Горький М. Мать. 1906). / *When you know that millions want the same as you do, your heart becomes better, and in goodness there is great power* (Gorky M. Mother / transl. by C. J. Hogarth. 1921).

Эта сила именуется в разных контекстах по-разному: в смежных предложениях Примера 10 формируется идея «душевного тонуса» (*Здесь делали всё возможное в рамках белой, субмолекулярной и инфранейронной магии, чтобы повысить душевный тонус каждого отдельного человека и целых человеческих коллективов* (Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Понедельник начинается в субботу. 1965). / *Here everything possible was done within the framework of white, submolecular, and infraneuron magic in order to raise the spiritual tone of each individual as well as of entire human collectives* (Strugatsky A., Strugatsky B. Monday Begins on Saturday / transl. by L. Renen. 1977)), а в контексте Примера 15 упоминается «духовная энергия»:

(15) Нынешних **добра** и **доброты** не хватает человеку для разумной жизни, вы сами говорите об этом. Что же будет, если в лапы человеку попадут силы внутренней энергии атома? Ныне духовная энергия находится на жалком уровне (Гроссман В. Жизнь и судьба. 1960. Ч. 3). / *You said yourself that man isn't yet kind enough or wise enough to lead a rational life. Just think what would happen now if he was presented with the power within the atom! Man's spiritual energy is still at a lamentable level* (Grossman V. Life and fate / transl. by R. Chandler. 1985. Part 3).

В данном случае интерес представляет интерпретация доброты как энергии разумной, мудрой (*wise*) жизни. Снова отмечаем антитезу: атомная энергия (как энергия материи) противопоставляется духовной (как энергии сознания), варвар (о чем свидетельствуют «лапы») – человеку разумному, высокий уровень организации природы – низкому уровню духовности человека. В других контекстах автора само *добро* как отвлеченная идея противостоит *доброте* как реальному качеству человека (ср. Пример 12):

(16) Я не верю в **добро**, я верю в **доброту** (Гроссман В. Жизнь и судьба. 1960. Ч. 1). / *I don't believe in your "Good". I believe in human kindness* (Grossman V. Life and fate / R. Chandler. 1985. Part 1).

При этом, даже несмотря на скептическое отношение к религии (Пример 17), мерой и пределом человечности признается христианская Величина (Пример 18):

(17) Ему важно, чтобы восторжествовала идея, утверждающая **доброту**, а ведь богоносцы всегда стремятся насильственно вселить Бога в человека, а в России для этого не постоит ни перед чем, подколют, убьют – не посмотрят (Гроссман В. Жизнь и судьба. 1960. Ч. 1). / *He wants the idea of goodness to triumph. True believers always want to bring God to man by force; and in Russia they stop at nothing – even murder – to achieve this* (Grossman V. Life and fate / transl. by R. Chandler. 1985. Part 1);

(18) Вот скажите мне, – превзойдет ли тот, будущий человек в своей **доброте** Христа? (Гроссман В. Жизнь и судьба. 1960. Ч. 3). / *Do you think this man of the future will surpass Christ in his goodness?* (Grossman V. Life and fate / transl. by R. Chandler. 1985. Part 3).

В широком контексте Примера 17 *добро* как идея, «утверждающая доброту», насаждается насильственным путем, то есть противоречит сама себе и не заслуживает доверия (ср. Пример 16). В контексте Примера 18 появляется образ Христа как эталона человечности и аккумулятора Высшей энергии. И если в Примере 11 допускается толкование «землемера» как Землеустроителя, то эта природная особенная сила добрых людей есть сила Вечности.

Доброта как *человечность*, как особое качество сильных и настоящих людей интересным образом представлена в контексте Примера 19, где переводчик прибегает к лексическим добавлениям из-за формальной невыраженности семантических компонентов в исходном языке:

(19) – Война нужна, может, люди появятся. Мой дед говорил, что людей он встречал только в войну. Сейчас **доброты** мало (Алексиевич С. Время секунд хэнд. 2013). / *We need a war, maybe then we'll have real, upstanding people. My grandfather always said that he only ever met truly good people during the war. There's not enough kindness these days* (Alexievich S. Secondhand Time / transl. by B. Shayevich. 2016).

Обратим внимание на экзистенциальность речевых ситуаций Примеров 12 и 19: война как крайность бытия становится проверкой «людей на человечность». Тему страданий и смерти в широком контексте Примера 19 снова формируют единицы «плакать» (*were crying*), «не верить» (*disbelief*), «слезы» (*tears*), «кровь» (*blood*).

3. Стандартная и нестандартная эквивалентность

Портрет слова как инструмент статистического анализа и визуализации данных параллельного корпуса в данный момент содержит лишь краткую информацию о грамматических и семантических признаках слова, а также список всех примеров словоупотребления. Вероятно, переход на использование нейросетевых моделей для подготовки и анализа данных в Корпусе 2.0 (Савчук, Архангельский, Бонч-Осмоловская и др., 2024, с. 11-12) откроет новые возможности для формирования в данном интерфейсе максимально возможного количества блоков, которые в комплексе смогут дать компаративисту или переводчику разнообразную информацию о том, как слово существует и функционирует при переводе.

Анализ лексической единицы «доброта» в параллельном английском корпусе НКРЯ выявил, что наиболее частотными способами перевода ее на английский язык являются *kindness* (82 случая словоупотребления,

например контексты Примеров 4-6, 8, 11-13, 16, 19) и *goodness* (35 случаев словоупотребления, такие как Примеры 3, 14, 17-18), то есть подтвердил общие данные переводных и толковых словарей о стандартных эквивалентах. Тем не менее обратим внимание на ряд следующих особенностей и выявленных семантических различий:

- при переводе с русского на английский единица *'kindness'* употребляется в два раза чаще, чем *'goodness'*, при этом, согласно данным Corpus of Contemporary American English (COCA), даже в произведениях художественной литературы лемма *'goodness'* является более активной, а в общей базе корпуса частота употребления *'goodness'* вдвое выше *'kindness'* (ipm: 15.90 против 7.46) (COCA). Возможно, этап вычисления частоты отдельных переводных эквивалентов и определения их разброса, то есть оценки дисперсии, вызывает трудности потому, что количество релевантных примеров в НКРЯ не позволяет получить статистически надежные результаты (Добровольский, 2015, с. 422), однако в любом случае данное несоответствие требует дополнительного анализа;

- по данным COCA, основным синонимом *'kindness'* является *'compassion'*, в то время как в сострадательных контекстах, подобных Примеру 3, при переводе *'goodness'* употребляется также активно;

- значение *'moral excellence, virtue'* (Oxford English Dictionary) предполагает, что в подобных контекстах выбор переводчика должен быть сделан в пользу эквивалента *'goodness'*, однако так происходит не всегда (см. Пример 8);

- в контексте Примера 20 для передачи смысла «*доброты*» активированы сразу оба стандартных эквивалента, что может свидетельствовать о лингвоспецифичности русской леммы:

(20) *Не говоря уже о его беспримерной доброте, – и голос ее принимает какое-то трогательное выражение, – вспомните, что это остаток, так сказать, обломок нашей аристократии* (Достоевский Ф. М. Дядюшкин сон. 1858-1859). / *“Not to mention his incomparable personal goodness and kindness”* (her voice here trembled with emotion). *“He is a relic, a chip, so to speak, of our old aristocracy”* (Dostoevsky F. Uncle’s Dream / transl. by F. Whishaw. 1888). Одновременное использование двух переводных эквивалентов можно интерпретировать как доказательство уникальной конфигурации единицы оригинала, для передачи которой в языке перевода не хватает какого-то семантического компонента (Зализняк, 2015, с. 199);

- в некоторых контекстах «*доброта*» вообще не имеет лексического соответствия, например:

(21) *Тоже мне, нашли добряка! Ты это брось, сказал он себе. Тебе здесь эта доброта ни к чему! Думать надо, а потом уже руками-ногами шевелить. Чтоб в первый и в последний раз, понятно? Добряк...* (Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Пикник на обочине. 1971). / *Some good guy they found! Drop it, he told himself. You have to think first, and then use your arms and legs. Got that straight? Mr. Nice Guy* (Strugatsky A., Strugatsky B. Roadside Picnic / transl. by A. W. Bouis. 1977).

Полагаем, что дальнейший двусторонний контекстуальный анализ *доброты* и ее традиционных английских эквивалентов позволит расширить ряд нетривиальных семантических различий. Кроме того, параллельные корпуса позволяют обнаружить намного больше возможных переводных вариантов описываемой лексической единицы, чем анализ словарей и интроспекция (Добровольский, 2012, с. 15).

Очевидно, что та или иная структура одного языка не может быть во всех контекстах переведена на другой с помощью своего стандартного эквивалента, и в определенных условиях язык перевода прибегает к другим способам описания соответствующей ситуации. Известно также, что не существует продуктивных правил, по которым можно было бы вывести подобные отклонения от «стандартной эквивалентности» из неких более общих принципов, поэтому единственным способом описания подобных отклонений является их тщательная фиксация на аутентичном материале (Добровольский, 2015, с. 415).

Анализ произведений лишь одного автора из представленных в параллельном корпусе показывает, что помимо «словарных» эквивалентов *kindness* и *goodness*, по крайней мере, существуют еще семь способов перевода русской лексической единицы «доброта» (о качестве человека) на английский язык:

(22) *«И эта доброта противная, за которую все так любят его и хвалят; я ненавижу эту его доброту», – подумала она* (Толстой Л. Н. Анна Каренина. 1878. Ч. 1-4). / *“And that disgusting good nature, which everyone likes him for and praises – I hate that good nature of his,” she thought* (Tolstoy L. Anna Karenina / transl. by C. Garnett. 1911. Parts 1-4). Эквивалент *good nature* является довольно активным и реализует значение *‘a readiness (often excessive) to comply with the wishes or importunities of others’* (Oxford English Dictionary). Компонент *excessive* в большинстве контекстов формирует негативное отношение окружающих или ситуацию, в которой *доброта* становится причиной неприятностей.

(23) – *Когда он думал о ней, он мог себе живо представить ее всю, в особенности прелесть этой, с выражением детской ясности и доброты, небольшой белокурой головки, так свободно поставленной на статных девичьих плечах* (Толстой Л. Н. Анна Каренина. 1878. Ч. 1-4). / *When he thought of her, he could call up a vivid picture of her to himself, especially the charm of that little fair head, so freely set on the shapely girlish shoulders, and so full of childish brightness and good-humor* (Tolstoy L. Anna Karenina / transl. by C. Garnett. 1911. Parts 1-4). Нестандартный эквивалент *‘good-humor’* входит в группу вариантов перевода с корневой морфемой *good-* и является окказиональным.

(24) *Она заметила, что, расспрашивая про ее родных, мадам Шталь улыбнулась презрительно, что было противно христианской доброте* (Толстой Л. Н. Анна Каренина. 1878. Ч. 1-4). / *She noticed that when questioning her about her family, Madame Stahl had smiled contemptuously, which was not in accord with Christian meekness* (Tolstoy L. Anna Karenina / transl. by C. Garnett. 1911. Parts 1-4). Эквивалент *‘meekness’* реализуется в эксплицитном христианском контексте и входит в группу синонимов-добродетелей (ср. также *‘mercy’*).

(25) *Вы знаете, какая это ангельская доброта – она ему во всем верит* (Толстой Л. Н. Детство. 1852). / *She suspects nothing; you know her angelic sweetness and her implicit trust of him in everything* (Tolstoy L. Childhood / transl. by C. J. Hogarth. 1910-1935). Эквивалент 'sweetness' является нестандартным для перевода словосочетания «ангельская доброта», поскольку в большинстве контекстов используется идиома 'as kind as an angel' или ее варианты.

(26) – *Да, виноват, – отвечает маленький и дурной, и кажется, что еще больше доброты и усталости выражается в его взгляде* (Толстой Л. Н. Казаки. 1863). / *"Yes, you are to blame," said the latter, and his look seemed to express still more kindness and weariness* (Tolstoy L. The Cossacks / transl. by L. and A. Maude. 1911). Эквивалент 'kindliness' расширяет группу вариантов перевода с корневой морфемой *kind-* значением 'the quality or habit of being kindly (=having a friendly benevolent disposition)' (Oxford English Dictionary).

(27) *Во время взрыва князя она молчала; она чувствовала стыд за мать и нежность к отцу за его сейчас же вернувшуюся доброту; но когда отец ушел, она собралась сделать главное, что было нужно, – идти к Куми и успокоить ее* (Толстой Л. Н. Анна Каренина. 1878. Ч. 1-4). / *During the prince's outburst she was silent; she felt ashamed for her mother, and tender towards her father for so quickly being kind again* (Tolstoy L. Anna Karenina / transl. by C. Garnett. 1911. Parts 1-4). Эквивалент 'kind' часто используется при переводе существительного «доброта» как образованного от прилагательного «добрый» и имеющего отвлеченное значение данного свойства.

(28) – *Дарья Александровна, – сказал он, краснея до корней волос, – я удивляюсь даже, что вы, с вашей добротой, не чувствуете этого* (Толстой Л. Н. Анна Каренина. 1878. Ч. 1-4). / *"Darya Alexandrovna," he said, blushing up to the roots of his hair, "I wonder really that with your kind heart you don't feel this"* (Tolstoy L. Anna Karenina / transl. by C. Garnett. 1911. Parts 1-4).

Эквивалент 'kind heart' как «добросердечие, добросердечность» является частым контекстуальным эквивалентом *доброты*, при этом отметим, что единица 'heart' ('kindly feeling; heartiness' (Oxford English Dictionary)) в процессе перевода часто добавляется к *kindness* (Пример 29) и *goodness* (Пример 30), усиливая их семантику, а в Примере 31 становится самостоятельным эквивалентом:

(29) *Вы вот дивитесь на Павлицева, вы всё приписываете его сумасшествию или доброте, но это не так!* (Достоевский Ф. М. Идиот. 1868-1869). / *You say you are surprised at Pavlicheff's action; you ascribe it to madness, to kindness of heart, and what not, but it is not so* (Dostoevsky F. The Idiot / transl. by E. Martin. 1915).

(30) *Одни со страху, другие по доброте, а которые и по жадности...* (Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Понедельник начинается в субботу. 1965). / *Some out of fear, some out of the goodness of their hearts, and some out of greed* (Strugatsky A., Strugatsky B. Monday Begins on Saturday / transl. by L. Renen. 1977).

(31) *В нем не было ни совести, ни доброты, ни честности, хотя никто же не мог назвать его положительно злым человеком* (Тургенев И. С. Три портрета. 1846). / *He had no conscience, no heart, no principle, though no one could have called him positively a bad-hearted man* (Turgenev I. Three Portraits / transl. by C. Garnett. 1899).

Описанные стандартные и нестандартные эквиваленты расширяют наши представления об устройстве лексических систем сопоставляемых языков, о влиянии контекстных условий на выбор наиболее адекватного эквивалента и помогают выявить лингвоспецифические особенности функционирования соответствующих лексических единиц (Добровольский, 2012, с. 23).

Однако и семантика единицы «доброта», и прагматические условия ее появления требуют дальнейшего исследования, поскольку само выражаемое ею значение является специфичным, а эта «специфика может быть выявлена при помощи, в том числе, анализа типов переводных соответствий» (Добровольский, Зализняк, 2023, с. 567).

О различиях между системной и текстовой эквивалентностью пишут С. Лубенская и М. Шейн, указывая на то, что в зависимости от контекста возможна замена одного художественного образа и стилистического приема другим, а также компенсация деталей речевой ситуации в другой части текста. При этом интересной представляется мысль исследователей о необходимости введения в современные словарные статьи особого раздела так называемых «творческих контекстуально-специфических вариантов перевода» (creative context-specific translations) (Lubensky, McShane, 2007, p. 925-927).

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Лексикографическое описание значения лексемы «доброта» оказывается трудным для выражения, поэтому анализ контекстуальных значений в процессе перевода позволяет значительно расширить представление о ее семантике и переводных эквивалентах. Контекст оригинала раскрывает уникальный набор сочетаемостных ограничений и предпочтений слова: в большинстве случаев при описании *доброты* используются приемы образного переосмысления значения, ключевым приемом становится антитеза (часто включающая категорию времени), эксплицитно и имплицитно активизируется евангельский символизм добродетели, вводится синоним «человечность», подкрепленный идеей любви к ближнему.

Проведенное сопоставительное исследование контекстуальных значений лексической единицы «доброта» показало, что обращение к материалу параллельного корпуса позволяет выявить значительное количество переводных эквивалентов, не представленных в словарях (*fineness, generosity, good-nature, goodwill, heartiness, heart, kindness, meekness, mercy, that sort of virtue*).

Монофокусный метод контрастного анализа позволяет рассматривать перевод лексической единицы «доброта» как источник сведений о ее смысле: появляется группа синонимов-добродетелей (*mercy, meekness*) и единица *heart* как способ усиления семантики и образ природной гуманности. Разнообразие способов перевода,

стремление переводчиков усилить семантику английских эквивалентов, а также случаи нулевой эквивалентности указывают на вероятную лингвоспецифичность русского слова «доброта».

В качестве перспектив дальнейшего исследования мы видим проведение контекстуального анализа лексической единицы «доброта» при обратном переводе, то есть в направлении от английского к русскому. Условия появления данного слова в переводе на русский язык будут рассмотрены в качестве свидетельства о семантике анализируемой единицы.

Источники | References

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. М.: Ленанд, 2023.
2. Десницкий А. Современный библейский перевод: теория и методология. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015.
3. Добровольский Д. О. Использование корпусов текстов в двуязычной лексикографии // Среди нехоженных путей: сборник научных статей к юбилею А. А. Кретьева / под ред. И. А. Меркуловой, К. М. Шилихиной. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2012.
4. Добровольский Д. О. Корпус параллельных текстов и сопоставительная лексикология // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2015. № 6.
5. Добровольский Д. О., Зализняк А. А. Немецко-русский параллельный корпус как инструмент исследования модальности долженствования: о семантических различиях между *müssen* и *sollen* // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. Т. 19. Вып. 4.
6. Добровольский Д. О., Зализняк А. А. Параллельный корпус как инструмент семантического анализа: немецкий модальный глагол *sollen* // Корпусная лингвистика – 2021: труды международной конференции. СПб.: Скифия-принт, 2021.
7. Добровольский Д. О., Зализняк А. А. Параллельный корпус как инструмент семантического анализа: русское стало быть. 2023. <https://www.dialog-21.ru/media/5936/zalizniakannaaplusdobrovol-skijsdo24.pdf>
8. Зализняк А. А. Лингвоспецифичные единицы русского языка в свете контрастивного корпусного анализа // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по мат-лам ежегодной междунар. конф. «Диалог». М.: РГГУ, 2015. Вып. 14 (21). Т. 1.
9. Савчук С. О., Архангельский Т. А., Бонч-Осмоловская А. А., Донина О. В., Кузнецова Ю. Н., Ляшевская О. Н., Орехов Б. В., Подрядчикова М. В. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития // Вопросы языкознания. 2024. № 2.
10. Lubensky S., McShane M. Bilingual Phraseological Dictionaries // Phraseology: An International Handbook of Contemporary Research: in 2 vols. Berlin – N. Y.: De Gruyter, 2007. Vol. 2.

Информация об авторах | Author information



Войченко Наталия Владимировна¹, к. филол. н., доц.

¹ Московский педагогический государственный университет



Natalia Vladimirovna Voichenko¹, PhD

¹ Moscow State Pedagogical University

¹ nv.voichenko@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 01.07.2024; опубликовано online (published online): 23.08.2024.

Ключевые слова (keywords): контекстуальные значения; корпусный монофокусный метод семантического анализа; нестандартные переводные эквиваленты; лексическая единица «доброта»; contextual meanings; corpus monofocal method of semantic analysis; non-standard translation equivalents; lexical unit “kindness”.